

ПО СЛѢДАМ ПРОТОПОПА АВВАКУМА В СССР

Полезно, во всяком случаѣ любопытно, узнать, в какія условія поставлена работа в СССР для изслѣдователя по церковной исторіи. Возстановляю в памяти эту полосу своей жизни на русской землѣ в кругу русских, мой труд над Аввакумом.

КАК Я ОТКРЫЛ АВВАКУМА

В 1927 г. я служил в Москвѣ в Институтѣ Маркса и Энгельса.

Московский барскій особнякъ Долгоруковых, что за Музеем Александра III, в М. Знаменском переулкѣ. Помѣщеніе передѣлано и богато оборудовано: три этажа — «кабинеты» всѣх стран и народов. Интернаціоналъ разношерстных «научныхъ сотрудниковъ» корпит над расшифровкой заковырчатыхъ Марксовых «писемъ» и комментариемъ столповъ научнаго социализма. В распоряженіи занимающихся тщательно разставленные по желѣзнымъ полкамъ десятки тысячъ томовъ: экономика, обществовѣдѣніе, исторія переворотовъ и материализмъ — материализмъ вульгарный, материализмъ философскій, материализмъ историческій, материализмъ діалектическій, материализмъ...

Я во французскомъ кабинетѣ приводилъ в порядокъ рукописи Гракха Бабефа и документы, относящіеся къ этой судейской крысѣ, взбѣшенной революціей. Мнѣ и в голову тогда не приходило: Протопопъ Аввакумъ! И по мѣрѣ того, какъ я тоже корпѣлъ надъ Бабефомъ, и такъ мнѣ все это осточертѣло, я нѣтъ-нѣтъ, бывало, и сбѣгу. А бѣгалъ я в подвалъ: тамъ складъ самыхъ разнообразныхъ книгъ или, по просту говоря, книги валялись, разбросанныя по полу, какъ ихъ швырнули. Подлинный кладъ для книжныхъ любителей и для тѣхъ, кто, не поддавшись одуре «материализмовъ», сохранялъ свободу думать по-своему. Тутъ были и разрозненные тома аббата Миня: творенія греческихъ и латинскихъ отцовъ; и древніе классики, и прелестныя по наивности записки Фонтэна о житѣи - бытѣи Пор-Рояля, и

по-русски (не славянское) Добролюбіе. Роясь в книжных сокровищах, напал я на *«Житіе протопопа Аввакума, им самим написанное»*. Изд. Археографической Комиссіи, 1916 г.

Чѣм меня протопоп притянул, не сумѣю сказать, только вынес я его из мерзости запустѣнія крысиного подвала и унес в свой французскій кабинет. И в свободный час от крысиного Бабефа стал читать эту «жизнь», вникая в непростую, а «просто» выраженную русскую рѣчь. Меня взводновала и сама «жизнь», и как она написана.

Как это все непохоже! И не такое давнее: русскій ХУІІ вѣк. А сам «огненный» протопоп! Какая убѣжденность вѣры, какое желѣзо воли и прямого слова. И в мірѣ нѣтъ власти, а на землѣ властей, кто бы мог сломить такую вѣру и урѣзать язык. И костер такому — только царственный путь, а смерть — царскій вѣнец.

И еще острѣе было мое чувство: вѣдь перед глазами «совѣтская дѣйствительность» — согнутая, запуганная, и раболѣпство с наушничеством и доносом — «подхалимаж».

«Житіе» Аввакума — Библія русскаго старообрядчества. Не было дома, гдѣ бы не хранился список: береженная книга — от Бѣлаго моря по Волгѣ, на Дону и на Уралѣ. Поколѣнія «последней Руси» выросли на этой книгѣ.

Старообрядцы — это лишь остров среди «православнаго» моря русскаго народа, и там имени Аввакума не слышно. А интеллигенція? В исторіи, когда проходили «раскол»: рядом с патриархом Никоном упоминался и Аввакум. И только. Потом, как с физикой, все путалось: «удѣльный вѣс» — «торричеліева пустота», а Аввакум попал в Данила Заточника, а то и начисто стирался. «Житіе» извѣстно было только на вершинах: сохранился восторженный отзыв Тургенева, Толстого, Розанова, Мельникова - Печерскаго, Горькаго. В школьных исторіях литературы «житіе», как литературный памятник, не упоминалось. Так было у русских. А с французов и спрашивать нечего: единственный Ю. А. Легра в своей краткой исторіи русской литературы впервые дал по-французски нѣскольких строк из «житія» — честь ему за начало.

Я и задумался: Бабеф Бабефом, а Аввакум не выходит из головы. И, наконец, рѣшил перевести «житіе» на французскій. Рѣшил, но понимаю: дѣло не простое. С этого и начинаются мои розысканія.

Аввакум — не реклама интуриста. Для перевода требуется не

только точно опредѣлить слова и выраженія, а еще и прочесть текст исторически: упоминаемые лица, без справки о которых не обойтись; событія и намеки на событія, которыя надо установить хронологически; а цитаты из Священнаго Писанія, догматическіе и литургическіе споры... — так я и втянулся в работу историка и филолога.

ПО МОСКВѢ - НАУЧНОЙ

В Институтѣ Маркса и Энгельса нашлись двѣ книги: Диссертація об Аввакумѣ А. К. Бороздина и Очерк В. А. Мякотина. У Мякотина (родственник Аввакума) живо, но уж очень легко или, как говорят критическіе обозрѣватели, «нажимающіе педаль»: занимательно, но поверхностно. А Бороздин — все, что можно представить себѣ, как «недисциплинированное», что случается или у очень молодого: сгорая; или с путанной головы у ученаго: беспорядочная и тяжеловѣсная мѣшанина (прошу прощенія за пришитыя слова!) біографических данных, культурно - исторических обозрѣній и текстуальной критики. Но Бороздин меня надоумил: теперь, послѣ прочтенія его книги, мнѣ было куда глаз обернуть и чего доискиваться или, говоря по книжному: Бороздин намѣтил мнѣ «точку стравленія». И за то ему благодарен.

О ту пору в Ученых Записках *Рамина* (Россійской Ассоціаціи Научно - Исслѣдовательских Институтов Общественных Наук) появилась статья профессора - антрополога В. К. Никольскаго о *Сибирской ссылкѣ протопопа Аввакума*: матерьял — по архивам, много новых и точных данных о протопопѣ.

Товарищ по кабинету, историк стараго закала, без набившаго оскмину казеннаго принудительнаго «матеріализма», обратил мое вниманіе на статью и познакомил с автором.

«Какой чудесный антирелигіозный фильм можно сдѣлать из жизни Аввакума. Хочу непременно за это взяться!» — выпалил Владимір Капитоныч. И как отбрил.

Дѣло происходило на людях и, хоть никто за язык не дергал, как было не воспользоваться случаем и не засвидѣтельствовать свою «лояльность», или, употребляя оборот протопопа, запуганную «... душеньку»? Тѣм разговор и кончился. А жаль: умный человек Владимір Капитоныч, и глаз без засоринки, ясный.

Я понимаю, мнѣ ли не знать человеческую немощь, и не судей с черствым сердцем, сухарем со своей безчеловѣчной спра-

ведливостью хочу быть в несчастъѣ, но передо мной неотступно стоит русскій образ — человекъ — литая громада блестящая, блистающая крѣпью, для котораго не надо никаких предохранительных мѣр или, по совѣтски, «окапываться»: протопоп Аввакум.

Книжный магазин «Международная Книга» на Кузнецком мосту. Разрѣшается не только посмотреть и руками потрогать, можно и приобрести книгу, — а попадают и очень цѣнные. Надо только захватить во-время, а это возможно в первые дни послѣ выпуска книги, вѣдь доля из общаго тиража, поступавшая на внутренний рынок, была, что называется, символическая, и что по-русски нагляднѣе: на — выкуси! И вот, чтобы чего не проворонить, я от Бабефа, раньше как в подвал, теперь на Кузнецкій. И протоптал себѣ дорожку, шито-крыто, околom и проломом, как лиса в курятник.

На прилавкѣ: *«Памятники истории старообрядчества XVII в. Книга первая, выпуск I»*. Раскрыл я книгу, и как носом повел по страницѣ, в глазах инда зарябило: Аввакум! — писаніи протопопа Аввакума. Это была первая часть и притом большая его сочиненій (вторая так никогда и не вышла!). Тираж 900 экземпляров, начата набором в 1916 г.

Забрал я в «обѣ лапы» дорогую мнѣ ношу и уж не лисой, а медвѣдем пряниками по московским улицам и переулкам в Маркса и Энгельса. Там отодвинул я Бабефа, развернул книгу. Теперь я не безрукій: основной матерьял есть, — смѣшно было бы подумать, чтобы мнѣ да на попятный! И не перевод житія и даже с примѣчаніями, — я должен написать историческое изслѣдованіе.

Мысль написать изслѣдованіе так меня закружила, что на первых порах я даже собственную природную рѣчь, не то, что забыл, а вдруг точно затменіе, столбняк, стал и стою и отстать нѣту возможности, или гогочу без причины, видно, очень меня заняло, что ухватил быка за рога, — тогда-то и стали на Москвѣ поговаривать, будто какой - то заѣзжій на старых книгах... «Чего?» — «Карпыч, что усы в сосульках». У меня тоже с непривычки усы примерзали. «И немудрено, — говорили мудрые люди, — уж очень у нас требовательно. Если другой раз, и русскому человекѣ хоть на стѣну лѣзь, а иностранцу — буржуазное ошмотье! — ни по чем не выдержать!

Я ходил по букинистам и забирал все, что касалось раскола,

все, гдѣ было про ХУП вѣкъ и что относилось к исторіи русской церкви, и описанія монастырей, и древніе акты, изданные до революціи.

При нѣпѣ открылись книжныя лавки, и хозяева охотно отдѣлывались от «незаконнаго» товару: книг «божественнаго» содержанія. А на базарах можно было купить и рукопись.

В ту пору мнѣ посчастливилось: я приобрѣлъ 1-й том *Матерьялов для исторіи раскола* Субботина; а в другом мѣстѣ попался ІУ-й и УІ-й. В третьем — книги Сергѣя Бѣлокурова, на мой глаз самаго подробнаго и обстоятельнаго изслѣдователя - историка по ХУІ - ХУІІ в. в.

В «Международной Книгѣ» комната до потолка набита старопечатными книгами: Кириллова книга, Книга о вѣрѣ, Поученія Ефрема Сирина и Аввы Дорофея, Скрижаль, Требники, Служебники, Маргарит, Жезл правленія, Грамматика Милетія Смотрицкаго — чего-чего не было! За какой-нибудь десяток рублей можно было все купить. *И спасти.*

Подтянул я поясок потуже — позабуди и ишненную кашу! — и набросился на рѣдкости. Вот когда мечтал я имѣть золотыя горы.

Но так уж заведено и положено: все, что имѣет начало, знает и конец. И только с пьяных глаз Китоврасу (читай в Палѣ!) *) неизбѣжное — конец «безкончалом» показался, да еще моя старопечатная мечта не имѣла конца-краю. «Гнилому либерализму» между тѣм пришел конец: хозяин, всегда такой любезный, вдруг точно окрысился, дверь в старопечатную на ключ, руки за спину, «проваливай!» — и не только в старопечатную перестал пускать, а и в подвал, гдѣ для меня завѣтный стоял шкап, а хранились в шкапу пылью покрытыя в застѣжках книги старой вѣры и стараго пѣнія.

Страсть собирательства — душа книжника. Но в моем рвеніи — в этом добровольно - наложенном на себя постѣ, лишь бы ку-

*) О русском Китоврасѣ по-французски единственное образцовое по тщательности изслѣдованіе у А. А. Мазона: *André Mazon, Le nom du chamir dans la Légende vieux-russe de Salomon et Kitovras. Mélanges publiés en l'honneur de Paul Boyer. Ed. Champion, éd., Paris, 1925; Le centaure de la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras. Revue des Etudes Slaves, t. VII, Paris 1927.*

пить книгу, было и не одно только книжное почитаніе, а и в родѣ как мѣра предосторожности.

Мнѣ понадобилась статья в «*Богословском Вѣстникѣ*». Заручившись рекомендаціей, я отправился в Библиотеку Московскаго Университета. Я был увѣрен, что с моей «бумажкой» никаких затрудненій не встрѣчу, и книгу мнѣ выдадут без задержки. А вот послушайте!

«Выдается только для антирелигіозной работы», — объявил библиотекаръ. И хотъ выдать выдал, но с предупреденіем: «В первый и послѣдній раз».

В Библиотекѣ Историческаго Музея я попросил статью о «Печатном Дворѣ» из «*Христіанскаго Чтенія*», и получил — вырванныя страницы первой части, а окончанія так и не мог добиться.

Должен сказать, в читальном залѣ библиотеки, расположенном под небесами, просторном и «стильном», куда по вечерам поднимались самоотверженные «вузовцы» читать «Извѣстія» и «Правду» или долбить свои убогіе учебники и руководства и гдѣ, кажется, я был единственный, кто требовал не «фальцифицированную» литературу, мнѣ немедленно выдавали, и исправно, и «*Чтенія Общества Исторіи и Древностей*», и «*Труды Археологических с'ъездов*», и провинціальныя изданія какой-нибудь Вятской или Тамбовской Архивной Комиссіи.

Влипнув в книгу, как жадный вонючій шмель в душистый пчелиный мед, глазами, носом и ртом в русских вѣках похеренной русской исторіи — вѣдь официально все начинается с Октября! — я забывал со своей вершины нижній совѣтскій мір; крик улицы не добирался до меня, не был помѣхой и сосѣд, некстати, но от добраго сердца, прерывавшій мою работу: «Товарищ, не желаешь-ли газету?»

А со стѣны на «пролетарскую публику» взирало картинно важное собраніе знатных разряженных лиц, штатских и военных, в мундирах, орденах и лентах, с папой Львом XIII и Александром III. Нюх не сразу обнаружил контр-революцію и пока-то не схватились, не занавѣшенной красовалась историческая фреска: глазѣи и удивляйся!

ПО АРХИВАМ

Всѣ слѣды — и николевскій, и бѣлокуров — вели в Архив. Когда-то в Москвѣ были извѣстны: Архив Министерства

Юстици, Архив М. Иностранных дѣл, да в Кремль — Дворцовый Архив и Архив Оружейной Палаты, а в Петербургъ — Государственный Архив. Нынче всѣ эти «фонды» с добавкой из других собраній сосредоточены на Пироговской, бывшей Царицынской улицѣ, за Дѣвичьим полем в Московском Дрвলেখранилицѣ (б. Архив М. Юстици).

Доступ в это Дрвলেখранилице — легче борову свиному проткнуться в игольное ушко. Приѣзжему знатному иностранцу — хоть никакой науки и в хвост не нюхал, без никаких, пожалуйста; но своему, совѣтскому, а я совѣтскій служащій, как перед стѣной напрыгаешься, а сквозь — все равно не пройдешь.

Я использовал всѣ мои коммунистическія связи; рекомендательными письмами обклеился, как горчичниками. И в таком «горячечном» видѣ отправился в бывшую Синодальную типографію на Никольской — в Главное Архивное Управление.

Я должен был заполнить анкету.

Но что написать? Упомянуть по всей правдѣ? Но позвольте: «Раскол»?.. «Аввакум!» да еще и «протопоп»!! — да это как пить дать, уйдешь с носом, ни по чем не разрѣшат. Долго не раздумывая, — а видно «окапываться» такая уж необходимая и неизбежная совѣтская доля! — я по ихнему и лянул: «Соціально - экономическое положеніе Верхняго Поволжья в началѣ ХУП вѣка». В этом моем экономическом ляпѣ была доля правды: Аввакум родом из Поволжья, мнѣ надо было просмотрѣть «Писцовыя книги». И я не дал маху: «экономика?» — это можно.

И был впущен в Дрвলেখранилице, как благоразумный разбойник в рай.

На окраинѣ города в саду этот рай, который бережет в видѣ безчисленных рукописных книг и столбцов прошлое Россіи. В читальном залѣ видишь столик, за которым из-году-в-год послѣдній лѣтописец Сергѣй Михайлович Соловьев трудился над своей Исторіей. Три - четыре голодных оборванца (по-европейски!) согнулись над Писцовыми Книгами: они переводят на готовые бланки цифры жилых и пустующих дворов.

А вы знаете, что такое Писцовыя книги? Да к этим книгам и приступить страшно: это все-равно, как с Миланскаго собора полѣсам без перил спускаться! Толщина этой листовой бумажной громады — ни с одной книгой, и самой внушительной, несравнима, и Постная Тріод, и Апостол, и Напрестольное Евангеліе, все будет

мало; на полустанках, попадает, лежат под дождем и вѣтром сложенные куски прокатных рельсов, вот что напоминает. А уж при-сѣсть и не думай, такую книжищу можно перелистывать, но лишь в стоячку. А раскрыл страницу, — а там не строчки, не буквы, а узор по узору, крюк на закорючкѣ! — а это и есть *скоропись*, под'ячья рука: не понаторѣвъ, как темная грамота, ничего не разберешь.

«Скорописью учиться писать!» — завѣтное слово одного из самых хитрѣйших скорописцев, московскаго под'ячаго Гораздова, с Москва-рѣки из Приказа не докатилось от Набатной башни на Сену в Париж. А в Школѣ у П. Ю. Буйаэ в наше время еще не заведено было: курс славяно-русской палеографіи, — а вот бы когда пригодилось!

Оглавленій не полагается; села и деревни в уѣздѣ не по алфавиту, а по вотчинам — ищи-свищи! Да тут не только глаз себѣ своротить, а и голова треснет. Не даром говорилось, на Москвѣ слышно, что на Писцовых книгах не один смѣльчак напоролся, а на тѣх, кто одолѣл Гораздова, пальцем показывали.

Полубояринов, завѣдующій читальной залы, не без ехидства спросил меня:

«Оставлять не нужно?»

Но мое рѣшеніе твердо, — и сама писцовая твердыня меня не остановила.

По Писцовым книгам Нижегородской губерніи я нашел и село Григорово («Рожденіе же мое в Нижегородских предѣлах, за Кудимую рекою, в селѣ Григоровѣ»), и Лопатищи, и Макарьев монастырь; я узнал имена всѣх односельчан и духовных дѣтей Аввакума, и книги, и иконы его прихода, и многія подробности житья-бытья, и житія протопопа.

Одолѣвъ писцовую премудрость, я перешел к «столбцам» Сибирскаго Приказа. Столбцы, как вам это извѣстно, узенькіе листки, краями склеенные в одну безконечную ленту, — есть коротенькіе, а есть и в нѣсколько десятков метров (а бывали саженные, про это я потом узнал уже здѣсь, в Парижѣ, от забѣглых русских «срезневской культуры»: свиток «Уложенія царя Алексѣя Михайловича» 434 арш. длины, посланіе патріарха Гософа королевичу Вольдемару о принятіи православной вѣры, на столбцах — в 48 саженей).

Часть столбцов ученые архивисты расклеили по листам, и не

без путаницы, а часть осталась неприкосновенно, и приходится раскатывать — и побѣгут они по-столу, а со стола на пол юркими журами.

Я пользовался описаніем Оглоблина, прекрасно составленным и все-таки недостаточным. И не мало развернул я столбцов, чтобы добраться до воеводы Пашкова, гонителя и мучителя протоппа Аввакума в Дауріи. Только с этими документами я мог освѣтить признанія Аввакума о его даурском мытарствѣ.

Перебирая столбцы, понаторѣл я на скорописи. Работа не в пустую пошла, и не хвастовства ради скажу, удавалось с черновиками справляться и прочитывать перечеркнутое — ясное лишь заправскому под'ячему Сибирскаго Приказа Грѣшницеву.

Чтеніе столбцов увлекательно, как святочные орѣхи, не оторвешься. А для меня и вдвое: каждый раз мнѣ хотѣлось в поисках моих как можно больше, захватя из этих ужей, успѣть до закрытія зала.

И потом, очутясь за «вратами рая»—Московского Дрѣвлекраннылища, я, часами погруженный в вѣка, не мог повѣрить своим «отведенным» глазам, что на московских улицах ходят не стрѣльцы, «холопы великаго государя», а милиціонеры, совѣтскіе служащіе, рабочіе, бывшіе люди, лишенцы и господа — вѣдь рожи, рыла и лица все тѣ же, на одну мазь, русскія.

НЕИСТОВЫЯ РЪЧИ

Из прочитанных столбцов, даже и не относящихся к моим поискам, я всегда что-нибудь получал, хотя бы только слово или выраженіе. Но однажды подвалило большое счастье — мнѣ показался клад:

Как и почему 15 сентября

1656

**Протопп Аввакум бит кнутом
на козлѣ**

Неизданное донесеніе воеводы Афанасія Пашкова и челобитная Даурских казаков. Архив Сибирскаго Приказа, ст. 508, лл. 184 - 187; 188 - 193.

**Государю царю і великому князю Алексѣю
Михайловичю всеа великія і малыя і бѣлыя**

Росіі самодержцу и государю благовѣрному царевичю і великому князю Алексѣю Алексѣевичю всеа великія і малыя і бѣлыя Росіі холопѣ вашѣ Оѵонка Пашков челомъ бѣеть.

В прошломъ, государи, во 163 (1655)-м году по вашему государеву указу послан я, холопъ вашъ, на вашу государеву службу в новую Даурскую землю да со мною, государи, розныхъ Сибирскихъ одиннатцати городовъ і остроговъ служилые люди.

Да по вашему государеву указу послан іс Тобольсково города в Даурскую землю роспопъ, что былъ протопоп, Аввакумко и из Енисѣйсково острога велѣлъ, государь, я ево взять с собою.

І въ нынешнемъ, государи, во 165 (1656)-м году сентября въ 15 день, какъ я, холопъ вашъ, буду по Тунгуске рекѣ, не дошедъ Братцково острогу, на Долгомъ пороге, ~~рѣ~~от ссыльной роспопа Аввакумко, умысля воровски невѣдомо по чьему воровскому наученю, писалъ своею рукою воровскую составную память глухую безымянно, бутто, государи, вездѣ в начальныхъ людехъ, во всѣхъ чинѣхъ нѣтъ никакія правды. І иныя, государи, многія непристойныя свои воровскія рѣчи в той своей потметной памяти написалъ, хотя в вашей государевой Даурской службѣ в полку моемъ учинить смуту.

И то, государи, знатно, что онъ, вор роспопа, тѣмъ своимъ ворѣвскимъ писмомъ хотѣлъ приводить служилыхъ людей на то, чтобъ онѣ вамъ, государемъ, изменили і вашево б государева указу не послушали і от меня б, вашево холопа государева, отказались і были б не под вашимъ государевымъ указомъ: такъ же, какъ и іс Сибири изъ Ылимсково острога такія ж вору, что і онъ, роспопа, Ілимской казакъ Мишка Сорокинъ прибралъ

к себѣ воров триста тритцать человекѣкъ і вашѣ государевѣ Верхолѣнской острогѣ і многихъ торговыхъ людей пограбили; такъ же, государи, что і на Бойкале озере такія ж воры Енисѣйскія служилые люди Филка Полетай с товарищи пятьдесятъ человекѣкъ, пограбя вашу государеву казну і сына боярсково Василья Колесникова, ограбя, покинули на реке Прорве і побежали в Даурскую землю собою.

І то, государи, ево роспоино ворѣвское письмо ево руки по сыску принесено ко мнѣ, холопу вашему, и по вашему государеву указу, я, холопѣ вашѣ, велѣлъ ему, вору роспопу, учинитъ наказне битѣ кнутомъ на козлѣ, чтобъ, государи, на то смотря, іныя такія ж воры вперед в вашихъ государевыхъ ратехъ нигдѣ такими ж воровскими писмами смуты не чинили.

І какъ, государи, ему, вору роспопе Аввакумку, по вашему Государеву указу давано наказане битѣ кнутомъ на козлѣ, і онъ, роспопа, своимъ же воровскимъ умысломъ хотя служилыхъ людей со мною ссоритѣ, говорилъ в то время: „Братцы казаки, не подайте!“—бүтто онъ, вор, на нихъ, служилыхъ людей, в томъ своемъ воровствѣ надеженъ. І иныя, государи, многія неистовыя рѣчи говорилъ онъ, воръ, почасту.

А по вашей государевой соборной уложенной книгѣ довелся онъ, воръ роспопа, за то ево воровство і за многіе неистовыя рѣчи смертныя казни. І я, государи, холопъ вашъ, безъ вашево государева указу тому вору совершенно вашево указу учинитъ не смѣю.

Да к тому жъ, государи, вору роспопе для ево воровсково умыслу і заводу учили было приставать такія ж воры і завоучики Томсково города служилой человекѣкъ Филка Помелцовъ, Березовсково города Микиѣорко

Свѣшников, Івашко Телной с товарищи. І я, государи, по вашему государеву указу тѣхъ ево роспопиныхъ друзей воровъ і завогчиков Березовсково города Микиѳорка Свѣшникова, Івашка Телново с товарищи с вашей государевой службы в поход іс полку сво ево выслалъ вонъ. А пущему вору і завогчику Томсково города служилому человѣку Оилке Помелцову велѣлъ учинить наказане — бить кнутом на козлѣ нещадно і отпустил ево в Томьской город. А въ их, государи, мѣста на вашу государеву службу прибралъ і поверсталъ в казачью службу охочих волных людей.

А ево, вора распопу, отдал за пристава і по вашему государеву указу взял в Даурскую землю. І вперед, государи, от такова вора распопы в вашей государевой далней Даурской службе чаешь такова жъ воровсково заводу і большова дурна. Да на нево ж, государи, вора распопа, били челомъ тебѣ, великому государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу, а мнѣ, холопу вашему, в походе полку моево сслужилые люди подали за руками челобитную. И я, государи, холопъ вашъ, тое их челобитную под сею отпискою послал к тебѣ, государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія і малыя і бѣлыя Росіи самодержцу и государю благовѣрному царевицю і великому князю Алексѣю Алексѣевичю всеа великія і малыя і бѣлыя Росіи к Москве в нынешнем во 165 (1656)-м году июня в 4 день полку сво ево Даурские службы с служилыми людьми з десятники казачьи Туринсково острога с Микиткою Максимовым, Кузнецково острога с Потапком Ѳедоровым.

И о том ворѣ распопе Аввакумке великій

государь царь і великій князь Алексѣй Михайлович всеа великія і малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ и государь благовѣрный царевичъ і великій князь Алексѣй Алексѣевичъ всеа великія і малыя і бѣлыя Росіи мнѣ, холопу своему, какъ укажете.

На оборотѣ другой рукой:

166 (1657) октября въ 27 день з Даурскимъ казакомъ с Микиткою Максимовым.

За донесеніемъ Пашкова слѣдуетъ челобитная служилыхъ людей. Перечисляются одиннадцать сибирскихъ городовъ (Тобольск, Томск, Тюмень, Тара, Верхотурье, Березов, Пелым, Сургут, Туринск, Кузнецк, Красноярск), десятники и рядовые, а всего 420 человекъ. Разсказъ ведется отъ ихъ имени, но словами воеводы Пашкова, какъ «во 165 (1656)-мъ году, сентября в 15 день, какъ будемъ мы, холопы ваши государевы, по Тунгуске рекъ, не дошедъ Брацково острогу...»

Отмѣчу разночтенія. Послѣ словъ Пашкова: «Аввакумко, умысля воровски невѣдомо по чьему воровскому наученю, писалъ...» — они добавляют: «или будетъ, государь, затѣл сам собою, хотя в вашей государевой службѣ промежъ вашимъ государевымъ воеводою Офонасьемъ Филипповымъ с нами, холопами вашими, учинить смуту...» Шестой абзацъ читается по другому: «И то, государи, ево ропотино воровское письмо ево руки по сыску обевилось передъ вашимъ государевымъ воеводою Офонасьемъ Филипповымъ и за то, государи, ево воровство по вашему государеву указу вашъ государевъ воевода Офонасей Филипповъ велѣлъ...» — Послѣ словъ Аввакума: «Братцы казаки, не подайте!» — в челобитной прибавлено, какъ объясненіе: «бутьось государи, мы тѣ ево воровскія письма вѣдаемъ і он, вор, бутьось на нас, холопей вашихъ государевых, в томъ своемъ воровствѣ надеженъ». — И окончаніе: «А мы, холопы ваши государевы, служить вамъ, государемъ, вашу государеву Даурскую службу готовы і отъ вашего государева воеводы Офонася Филиппова обиды і насилства к намъ никакия нѣтъ і впредь ваши государевы службы с нимъ, воеводою, служить готовы». — И требуютъ вышей мѣры наказанія (старая пѣсня!): «Велите своему воеводе...

ему, вору і завотчику і ссорщику распоспоне... по вашему государеву указу і по уложенной соборной книге свой государев совершенной указ учинить, чтоб нам, холопам вашим государевым, от такова вора и завотчика в том его воровском подметном писмѣ от вас государей в опале не быть... Смилуйтесь, государи, пожалуйте!»

На оборотѣ челобитной руки приложили служилые люди, десятники и рядовые, во главѣ с Даурской службы черным попом.

Не могу удержаться и не отмѣтить правописаніе: писали по слуху, как говорили. А это и есть самое важное: послушать, как говорилось по-русски в ХУІІ вѣкѣ: «розных», «ево», «Тобольсково», «роспоп», «Енисѣйсково», «Братцково острогу», «ссылной», «Аввакумко», «писал память глухую, безымянно, бутго», «людех, чинѣх нѣт никакия правды», «потметной», «чтоб онѣ вам, государем», «вашево», «іс», «из-Ылимсково острога», «Илимской казак», «на Бойкале», «с товарищи» «боярсково», «побѣжали в Даурскую землю *собою*», «ратех», «давано наказане», «бутго он, вор, на них, в том своем воровствѣ надежен», «говорил неистовыя рѣчи почасту», «по соборной уложенной книге довелся он смертныя казни», «совершенново», «для ево умыслу и заводу учели было приставать такія ж вору и завотчики», «Томьсково городу», «Березовьсково», «ис полку своево выслал вон», «а пущему вору и зазавотчику», «а в их мѣста на вашу государеву службу прибрал и поверсталъ в казачью службу», «чаешъ такова ж воровсково заводу і большева дурна», «на нево ж», «всеа», «Росіи», «своево» «з десятники», «Кузнецково», и «я о том ворѣ мнѣ, какъ укажете», «Брацково острогу», «обевилось», «затѣл», «Оѳонасьем», «Аѳанасьем», «буттось на нас в том своем воровствѣ надежен», «обиды и насилства к нам никаких нѣт», «ссорщику», «наученю», «подайте».

Еще отмѣчу путь: — Пашков отослал свое донесеніе 4 іюня 1656 г., получено оно в Москвѣ 27 октября, — значит, шло 4 мѣсяца и 3 недѣли. А из Тобольска можно было добраться до Москвы зимним путем за 3 недѣли.

МОСКВА СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ

Слѣдовало бы описать и другой архив, Синодальный или точнѣе Патриаршій, перевезенный в революцію и не без ущерба из Кремля в Историческій Музей. Преданный своему дѣлу, сердитый

хранитель архива, неизмѣнно в своей солдатской шинели, — с ним однажды мы столбец разбирали, сам чорт голову сломит, такой черновик, а и клюкнул под'ячий видно здорово! — три дня над загагулинами бились. Сборники Хлудова, Уварова, древнѣйшія славянскія и греческія рукописи — богатства несмѣтных, но и раньше-то мало использованныя, а нынче просто плевать!

Слѣдует упомянуть и мою поѣздку в Петербург. Книги по расколу продавались в тѣ годы — даром бери, а какія! Кое-что удалось мнѣ и с Невы собрать, одно горе: так, без денег, все-таки ничего не получишь.

По архивам и книгам можно возстановить исторію — раскол; с чего началось и произошло, как происходило и чѣм закончилось. А вѣра неизыскома — старая вѣра нерушимо жива. А живет она по-преимуществу на Москвѣ.

Вечерами я отправлялся в дальнее путешествіе на Рогожское кладбище. В трамваѣ куда было-б быстрѣе, но за то на своих на двоих несравненно пріятнѣе.

Как с Солянки подыматься в Таганку, каждый камушек не булыжником лежит, а исторіей, да не той, что из архивов и книг в глаза прет, а «неписанной», обыденной с житьем - бытѣем - проживаніем. На самой Швивой (Вшивой в просторѣчій) горкѣ над серебряниковской Язуой высоко над седмихолмным, обреченно поблескивающим куполами городом, Никита Мученик за своей оградой, сердце замирает, глядя на этот освященный каменный памятник все той же «последней Руси» — стоит ли он по-старому или и его, бѣднягу, не пощадили, и как сплюнули в Язуу? А дальше сквозь вѣка читаю и как будто в старинѣ живу — Косьма и Даміан в Старых Кузнецях, Успеніе в Гончарах, Никола на Болвановкѣ, Спас в Чигасах.

Помнится, у Спаса ученицы совѣтской трудовой школы хоронили свою подругу. Священник громко журил мальчугана. И я спрашиваю себя: почему, в самом дѣлѣ, совѣтской власти, была б она не горе - марксистской, а народной совѣтской властью, открепиваться от этого Спаса? В этих народных старинных церквях служил по старым книгам Аввакум, и тѣ, кто вѣрил с ним и исповѣдовал старую русскую вѣру, и стрѣльцы справляли тут свои побѣды. На моих глазах одна за другой эти «народныя» церкви осквернялись — или закроют, или снесут. Но душу развѣ можно «погасить»?

В кольцѣ желѣзныхъ дорогъ Рогожское кладбище.

В каменныхъ церковныхъ домахъ квартиры служащихъ Нижегородской дороги. На кладбищѣ все еще плесневѣютъ и мшатся плиты, урны, кресты — Рахмановы, Кузнецовы, Морозовы (Хлудовы — в Покровскомъ монастырѣ) и на крестахъ надписи изъ канона: «Крестъ всѣмъ воскресеніе. Крестъ падшимъ исправленіе, страstemъ умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крестъ душамъ слава и свѣтъ вѣчный. Аминь». Тѣ же самыя слова, что стоятъ в житіи Аввакума вступленіемъ къ его повѣсти: «многострадальный юзникъ темничной, горемыка, нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ, священно - протопопъ Аввакумъ». Особо от мѣрянъ духовныя лица, на ихъ крестахъ указанъ возрастъ.

Зимній храмъ превращенъ въ столовую. Служили въ лѣтнемъ. На дверяхъ надпись: «Не принадлежащимъ къ правой вѣрѣ не молиться!» А какія собраны иконы, не забыть мнѣ одну особенно: «Спасъ Ярое око». Я присутствовалъ при крещеніи: кругомъ на купели зажженныя свѣчи, хожденіе посолонь, долгія молитвы.

По субботамъ и въ воскресенье сѣзжались съ разныхъ концовъ бо-родачи въ черныхъ сорокосборкахъ, приходили и здѣшніе, они ютились тутъ же въ деревянныхъ домишкахъ. Съ этими я скоро сошелся, и они мнѣ не отказывали въ книгахъ: «Виноградъ Всероссійскій» на гектографѣ, старообрядческіе журналы, листовки — и много еще такого, чего нигдѣ нельзя было достать. А на Требникъ Петра Могилы только посмотрѣть позволили: руками не трожь!

Тяжелыя бывали встрѣчи: я, хоть и совѣтскій, но почти свободный, и я всей душой и сердцемъ съ ними, но я могу уѣхать, вернуться къ себѣ на родину, а они, на своей родинѣ, затравленные, запуганные, забытые, они еще нищѣ послѣднихъ невольниковъ и рабовъ, они какъ назначенный къ убою скотъ, съ которымъ незачѣмъ считаться и можно оскорблять безнаказно.

Много от нихъ получилъ я, от ихъ «науки» — про старую русскую вѣру. Я возвращался съ Рогожскаго ночью — еще безрадостнѣйшее ожидало меня въ этомъ безрадостномъ русскомъ мѣрѣ на русской землѣ. Нѣпу подходилъ конецъ: «ликвидация кулака» и «коллективизация» — вотъ затѣя еще и еще помудровать надъ человѣкомъ, благо, что «человѣкъ», — и скотъ того не выдержитъ, падетъ, а человѣкъ терпѣливъ, и живучъ, и безпамятенъ.

Побывалъ я и на Преображенскомъ кладбищѣ. Тамъ одна часовня; она раздѣлена: по субботамъ въ одной половинѣ служатъ нико-

ніане, в другой — безпоповцы. И тут мнѣ показалось, что я погрузился: к самому Стоглаву, к Епифанію Премудрому, к Рублеву, к Сергію Радонежскому и Алексѣю митрополиту, в русскій вѣкъ татар.

У «австрійцев» на Рогожском, я не сомнѣваюсь, служба шла без сокращеній по уставу или, в угоду времени, чуть - чуть, и распѣвы были старинные, а служил во всем своем великолѣпнн архіерей, звенящій бубенцами. А на Преображенском «большак» в черном кафтанѣ, а за иконостасом пустое мѣсто — ни жертвенника, ни престола: нѣтъ священства, и литургіи служить некому, и не вѣнчают, и только «часы». Порядок службы описан у Мельникова-Печерскаго в его «В Лѣсах», точнѣе не скажешь. Как обычно, мужчины стоят по одну сторону, женщины по другую — в бѣлых и черных платках; а крестятся, творят метанія (без упражненія не одолѣть!) и, подбрасывая подручники, кладут земные поклоны, только когда полагается по уставу, и всѣ враз.

А какое чудесное пѣніе — к моему горю мнѣ не привелось в Успенском соборѣ слышать древній столповой распѣв, о котором уже здѣсь, в Парижѣ, один забѣглый русскій, именующій себя «учителем музыки», прожужжал мнѣ всѣ уши! — не знаю, какой тут был распѣв — «знаменный»? но, вслушиваясь, я невольно вспомнил наших бенедиктинцев, григоріанское пѣніе, и в моей душѣ перекликнулся Первый Рим и Третій - Москва единими устами: «Боже, Боже мой, вскую остави мя далече!»

Служба длилась долгая. Выходили, задымленные душной камерой, садились с зелеными глазами на лавку в саду и, передохнув, плелись в часовню. Я не выстоял до самага конца. Я ушел потрясенный: старая русская вѣра! нѣтъ, больше! — я почувствовал и понял вѣру человѣка, ея силу и ея власть.

НА РОДИНѢ АВВАКУМА

«Село Григорово, что было за околицим за Ѳедором Васильевичем Волинским в вотчине, а нынче за сыном ево за Иваном... а село стоит на трехъ усадахъ, а между усадовъ ключъ; а в селѣ церковь страстотерпцовъ Христовыхъ Бориса и Глѣба древяна... Образы и книги и ризы и сосуды церковные и колокола строеніе мирское... да у церкви живут нищие, а питаютца от церкви Божіи...»

Провѣрить данныя Писцовой книги (№ 296) я поѣхал по Казанской дорогѣ в Арзамас. А из Арзамаса лѣшком «по горам». По

пути село Вельдеманово, гдѣ родился Никон. Не обошел. Село по оврагам и буеркам, в садах; новая церковь, но есть и «роскольники»: и приёмлющіе священство, и беспоповцы. О Никонѣ живо еще преданіе, что происходит он из семьи суровой, нелюдимой: Ежовы.

С трудом добрался я до Григорова: и в правду, горы; без па-стухов не найти было, они мнѣ дорогу указывали. Село на трех холмах, посреди — пруд. Церковь тоже новая, ХУІІІ вѣк, колокольня отдѣльно.

Видѣл я в церкви древнія потемнѣвшія иконы — к ним Аввакум прикладывался! Узнал, что на селѣ живут его родственники: Темные. Думал разыскать их, да и со священником поговорю. Но этого не удалось.

1930 год разгар «коллективизаціи», мудрено и не безопасно было по деревням расхаживать. Для ночлега я намѣтил себѣ школу, а это не так — то просто оказалось. Собрался совѣт, потребовали документы, и долго засѣдали, пока не вынесли рѣшеніе: можно. А на утро, когда я сообщил учительницѣ о Темных и о священникѣ, она не на шутку струхнула, словно бы открыл я ей свой план не изслѣдователя, а «вредительскій». И поспѣшила увести меня с собой в Мурашкино. Я все-таки до отхода попытался увидеть священника, но сколько ни стучал, — безотвѣтно.

Не буду занимать рассказом о моих странствованіях страдным лѣтом 1930 года по Нижегородской губерніи, в мѣстах громких в исторіи раскола. Побывал я в Княгининѣ и в Лысковѣ, и в Макарьевѣ — Желтоводском монастырѣ, — там и из поруганных развалин все еще сияет былое благолѣпіе!

Скажу о Лопатицах — в них начало служенія и проповѣди Аввакума.

От Работок на Волгѣ за час дошел я до большого села — это и есть Лопатицы.

— Гдѣ поп живет? — спросил я у дѣвочки, она глазѣла на меня, как я на кооператив, школу и церковь новой постройки.

— Попа нѣту.

— Как нѣт?

— Закрыли церковь! — нахмурилась и убѣжала.

Я ходил по селу, глазѣя. И вдруг — из самой бѣдной из-бы показалось: какой-то в выщѣтшей грязной рясѣ, худой и высокій, и оттого, что так худ, еще выше казался, а от вз'ерошенности — страшнѣе; он посмотрѣл такими «жалостными» глазами —

и как смотрѣлъ он, — от переполненности пропадом и страхом эта жалостность скручивалась безумным огоньком. И я тогда убѣждал, как дѣвочка, нахмурившись.

Ни в Григоровѣ, откуда Аввакум ушел еще до священства и никогда не вернулся, ни в Лопатицах, гдѣ он «пас Христовых овец» семь лѣтъ до 1652 г., ни на родинѣ, ни на мѣстѣ служенія, нельзя было найти живых его слѣдов.

А Волгу я узнал и полюбил. И еще сошелся с нижегородскими крестьянами, проводя лѣтніе мѣсяцы в теченіе нѣскольких лѣтъ в Заволжской деревнѣ. За все, что они мнѣ дали, за все, что храню от них, и сохранию, я возвращаю им моим трудом — книгой о священномученикѣ русскаго народа протопопѣ Аввакумѣ.

П. Паскаль

Р. С. — Статья П. Паскаля: «По слѣдам протопопа Аввакума в СССР» написана по образцу и слогу журнальных статей — без краски и «живописанія», чего, впрочем, и не требуется от ученаго. Взяв для просмотра рукопись и сквоырнув два три выраженія на русскій лад, затѣял я переписать. А как стал переписывать — инок ли Троице-Сергіевской Лавры Епифаній Премудрый, (нач. XV в. автор «Житія Стефана Пермскаго») — первый русскій писатель книжной рѣчи, наш первый словесный искусник, надо быть, толкал меня под руку, или сам протопоп, первый русскій писатель живой рѣчи, Аввакум подзуживал? — переписываю и вижу: пишу по своему, а отстать не могу. А как еще раз на блѣо взялся (люблю переписывать!), тут уж самисобой и вавилоны и заковырка — под стать росчерку — и прет и гонит. И получилось: в родъ — «Как дошел я до Аввакума в СССР-ѣ». Мысли и факты я сохранил неприкосновенно буква-в-букву и всѣ тѣни и оттѣнки, и все житейское из той «совѣтской дѣятельности» (1927-1933) — ничего не навязываю, ничего не присочинил. Конечно, без «беллетристики» не обошлось, а это и без указки всякому в явь и в слух, и за нее в отвѣтъ я. Вѣдь цѣль искусства — подписываюсь под Новалисом в лад с сверхающим словами Епифаніем Премудрым — никак не в содержаніи, а вътопненіи.

Алексѣй Ремизов